

Изменяющиеся связи между капитализмом и демократией (в России и мире)

Борис Капустин

ВВЕДЕНИЕ

Н ЕЛЬ данного материала — способствовать прояснению того, почему современная российская демократия, являющаяся таковой по формальным процедурным и институциональным признакам¹, оказалась дефектной и дисфунк-

1. Автор приносит читателям извинения за то, что в ряде случаев вынужден пользоваться англоязычными изданиями тех источников, которые имеются в русских переводах. Последние в момент написания данной статьи были ему недоступны.

Краткая версия этой статьи опубликована в обзоре материалов конференции «Глобальный кризис и альтернативы» в журнале «Левая политика» (2012. № 17–18).

В целях данной работы мы будем использовать так называемое минималистское и процедурное определение демократии, которое обычно связывают с трудами Йозефа Шумпетера. Напомним, что ядро этого определения состоит из трех основных элементов. 1. Демократия есть *метод*, посредством которого принимаются основные политические законодательные и административные решения, а отнюдь не «ценность» или самоцель. 2. В качестве метода демократия является таким институциональным устройством, при котором индивиды получают политическую власть посредством конкурентной борьбы за голоса избирателей на выборах, проводимых регулярно и в соответствии с установленными процедурами. 3. Демократия является «правлением политиков», а не «властью народа», который не решает *ничего* в политической жизни, за исключением персонального состава выборных органов власти (*Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. N.Y.: Harper & Row, 1976. P. 242, 269, 284–285*). Это определение при всех попытках модифицировать его, несомненно, является общим знаменателем трактовок демократии в постсоветологии и транзитологии (и шире — в мейнстримной политической науке), хотя им не свойственны интеллектуальная прямота и последовательность (или честность) Шумпетера, выражающиеся в стремлении договаривать все до конца.

циональной. Под «дефектностью» я имею в виду очевидные и массивные нарушения тех процедур и принципов, которые демократия провозглашает в качестве собственной «несущей конструкции». Речь идет о таких нарушениях, как фальсификация итогов выборов, срежиссированные властями отстранения от них отдельных кандидатов и целых партий, незаконные способы давления на оппозицию, вытеснение ее из медийного пространства и т. д.² Дефекты российской демократии очевидны и общепризнаны (для всех и всеми, за исключением апологетов существующего режима)³.

Под «дисфункциональностью» демократии я имею в виду ее неспособность приносить народу (понимаемому как массовые непривилегированные слои) какие-либо экономические, социальные или культурные блага, способные улучшить его положение, облегчить бремя эксплуатации или защитить от определенных форм угнетения. Конечно, демократия в ее минималистском и процедурном понимании, принятом в данной статье (см. сноску 1), не может быть тем «правлением неимущего большинства ради собственного блага», с которым отождествлял демократию Аристотель. Не может она быть и тем «правлением народа, посредством народа и для народа», в котором усматривал суть демократии Авраам Линкольн еще в середине XIX века, а потому и называл ее «источником свободы»⁴. Шумпетер как великий систематизатор минималистской и процедурной теории демократии совершенно обоснованно открещивался от линкольновского определения демократии, но и он (еще в середине XX века) признавал важной функцией демокра-

2. В такой дефектности порой видят следствие «дуальности» российского государства, понимаемой как конфликт его нормативно-конституционного порядка, с одной стороны, и (противоречащих ему) административных практик — с другой (Sakwa R. The Dual State in Russia // Post-Soviet Affairs. 2010. Vol. 29. № 3. P. 185 ff). Поскольку трактуемая таким образом дуальность — чуть ли не общее свойство всех государств мира (об этом как об общей политико-философской проблеме см.: Ricœur P. The Political Paradox // History and Truth / C. A. Kelbley (trans.). Evanston, IL: Northwestern University Press, 1965), постольку найти специфику России в этом плане можно разве что в «количестве», то есть в масштабах конфликта между административными практиками и нормативным порядком, а не в «качественной» *differentia specifica* ее политической жизни. Это само по себе делает данное объяснение дефектности российской демократии сомнительным.

3. Развернутый и не вызывающий возражений список их под рубрикой «симптомы провала демократии» в России дает, в частности, Стивен Фиш (Fish M. S. Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 30 ff).

4. См.: Линкольн А. Геттисбергская речь. URL: <http://onrevolution.narod.ru/index.html>.

тии быть «правлением для народа». В этом качестве она уже, конечно, не дотягивала до «источника свободы», но вполне годилась для того хотя бы минимального удовлетворения интересов электората (или его политически значимых частей), которое обеспечивало ее стабильность⁵. Удовлетворение интересов широкого (и в основном «неимущего») электората невозможно без тем или иным образом осуществляемой функции перераспределения общественного богатства, и это то, что я в первую очередь понимаю под «функциональностью демократии». Важнейшим практическим следствием функциональности демократии стало то, что Т. Х. Маршалл классически описал как «социальные права» в их институциональных («государство благосостояния»), юридических, нравственных и культурных проявлениях. В развитии этих прав он (также в середине XX века) видел не только *основное направление* эволюции либерально-капиталистического общества, но и суть современного понимания социальной справедливости⁶. «Дисфункциональность» демократии, напротив, означает *разведение демократии со справедливостью* и утрату ею того эгалитаристского измерения, в котором (или благодаря которому) она служила развитию «социальных прав» и, говоря шире, *равенства*. Последнее (в его исторически меняющихся пониманиях) считалось настолько фундаментальной характеристикой демократии, что у Токвиля — задолго до появления идеи и практики «социальных прав» — даже возникла сделавшая его знаменитым иллюзия, будто демократия по сути тождественна *необоримым* тенденциям установления «равенства положений».

В отличие от «дефектности» «дисфункциональность» российской демократии гораздо менее очевидна для критиков. Это происходит не потому, что, скажем, чудовищные разрывы между богатством и бедностью, столь характерные для современной России, или беззащитность «простых людей» перед произволом имущих власть или капитал остаются незамеченными. Причина в том, что противодействие таким формам несправедливости и притеснения, то есть внесение социально-экономических изменений в угнетательский статус-кво в интересах народа, *не* считается в мейнстримной политической науке делом демократии, а поэтому ее бездействие в этом отношении не воспринимается в качестве изъяна дисфункциональности.

5. Schumpeter J. Op. cit. P. 256.

6. См.: Маршалл Т. Х. Гражданство и социальный класс // Капустин Б. Г. Гражданство и гражданское общество. М.: ГУ-ВШЭ, 2011. Анализ и критику концепции Маршалла, а также вызванных ею дебатов см. в: Капустин Б. Г. Гражданство и гражданское общество. М.: ГУ-ВШЭ, 2011. С. 59–82.

В нашу задачу не входит разбор аргументов, стремящихся обосновать позитивную корреляцию демократии и социально-экономических изменений или отсутствие такой необходимой корреляции. Отмечу лишь мое несогласие с *обеими* позициями, поскольку они стремятся дать *сущностное, категориальное, общетеоретическое определение* связи демократии и социально-экономических изменений, будь оно позитивным (демократия приводит к таким изменениям) или «нейтральным» (демократия как чисто политическое явление не может и не должна быть причиной таких изменений)⁷. На мой взгляд, связь демократии и социально-экономических изменений, то есть связь демократии и справедливости должна быть рассмотрена как нечто *контингентное*, обусловленное характером и динамикой специфических исторических ситуаций и в первую очередь — происходящей в их рамках политической борьбой. Если возможность или невозможность производства демократией социально-экономических изменений в духе справедливости зависит от ее взаимодействия с капитализмом, то нам следует предположить, что такое взаимодействие тоже контингентно: оно не задано «сущностями» ни капитализма, ни демократии, ни связей (структурных, функциональных, генеалогических) между ними. Как говорила Роза Люксембург, «невозможно сконструировать никакого абсолютного и общего отношения между капиталистическим развитием и демократией»⁸. В центре внимания дол-

7. Яркий пример позитивного категориального (сущностного) определения связи демократии и социально-экономических изменений в интересах народа дает Амартия Сен, когда пытается показать, каким образом демократия благодаря самим избирательным механизмам, а также свободе прессы и деятельности оппозиции делает невозможным массовый голод, столь нередкий в авторитарных обществах (*Sen A. Development as Freedom*. NY: Knopf, 1999. P. 180 ff). О «необходимой» связи демократии и политики перераспределения доходов в западных странах см.: Meltzer A. H., Richard S. F. A Rational Theory of the Size of the Government // *Journal of Political Economy*. 1981. Vol. 89. № 5. P. 914–927. Оппоненты же настаивают на «нейтральном» определении этой связи, считая противоположный взгляд «максималистским» и «утопическим» пониманием демократии, затемняющим ее сугубо политический характер (*Fish M. S.* Op. cit. P. 18). Это удивительным образом резонирует со стремлением Ханны Арендт (имеющим совершенно иную философскую логику) защитить политику от вторжения в нее проклятого «социального вопроса» (*Arendt H. On Revolution*. L.: Penguin, 2006. P. 49–105), но совершенно естественно для политического консерватизма (*Brittan S. The Economic Contradictions of Democracy* // *British Journal of Political Science*. 1975. Vol. 5. № 2. P. 129–159).
8. См.: *Luxemburg R. Reform or Revolution* // *Rosa Luxemburg Speaks*. N.Y.: Pathfinder, 1970. P. 74. В этой логике мы не согласимся как с утверждениями (обычно левыми, но не только) о том, что демократия заведомо утратила какое-либо освободительное значение, так что ее единственной реальной функцией осталось «консенсуальное представление капитализ-

жно быть *конкретное* отношение между ними, обусловленное специфическими историческими ситуациями.

В свете этого наша задача заключается в том, чтобы выяснить, *чем* в нынешней российской ситуации, являющейся частью и специфическим проявлением глобальной исторической ситуации, обусловлена дисфункциональность демократии. Наша центральная гипотеза состоит в том, что ключ к ответу на этот вопрос дает колонизация демократии капитализмом *определенного типа*, специфическую периферийную инкарнацию которого демонстрирует Россия. Соответственно, нам будет нужно хотя бы в общих чертах дать характеристику этому типу капитализма и его методам колонизации демократии. В этой логике критика российской демократии сместит акцент с ее «дефектности» на «дисфункциональность»: первая предстанет дополнением и следствием второй. Отношение дефектности к *modus operandi* нынешнего российского режима, определяемого его политической экономией, нуждается в особом рассмотрении. Иными словами, если дисфункциональность демократии, как представляется, необходимым образом задана структурным характером российского капитализма, то ее дефектность может быть либо «избыточной», то есть вызванной убогой политической культурой властвующих элит и рвением местных держиморд, либо, действительно, необходимым политическим средством сохранения их господства. Вполне возможно, что в предыдущих избирательных циклах в «путинской» России (1999–2000, 2003–2004, 2007–2008 годов) дефектность демократии была в этом смысле избыточной, тогда как в последнем цикле (2011–2012 годов) она стала политически необходимой. Если так, то это свидетельствует об упадке режима, тогда как более ранняя избыточная дефектность выказывала «всего лишь» его хамский характер.

Наши соображения по этим вопросам, учитывая ограничения объема данного материала, мы представим в виде развернутых тезисов. Назовем их «рассуждениями» и построим в логике движения от критики демократии к критике капитализма, чтобы в заключении прийти к пониманию: устранение дисфункциональности и, возможно, дефектности российской де-

ма» (Бадью А. Обстоятельства, 4. Что именует имя Саркози? СПб.: Академия исследования культуры, 2008. С. 118), так и с уже приведенными выше мнениями (см. сноску 7) относительно «имманентной» связи демократии со справедливостью и свободой. Эмпирическую и теоретическую критику таких мнений, фокусирующуюся на работах Сена и Мельцера и Ричарда, см.: *Massing M. Does Democracy Avert Famine? // The New York Times*. 2003. March 01. URL: <http://www.nytimes.com/2003/03/01/arts/does-democracy-avert-famine.html>; *Ross M. Is Democracy Good for the Poor? // American Journal of Political Science*. 2006. Vol. 50. № 4. P. 860–874.

мократии маловероятно без изменения типа российского капитализма, а последнее тесно связано с сопротивлением финансиализованному капитализму, господствующему в мировом масштабе.

РАССУЖДЕНИЕ ПЕРВОЕ

Категориальная пара «демократия — авторитаризм» не способна ухватить причины, характер и вероятные направления развития тех недугов российской демократии, которые проявляются как ее дефектность и дисфункциональность. Наивно думать, будто неудачи строительства демократии или ее сознательный подрыв само собой разумеющимся образом ведут к возникновению авторитаризма, причем последний оказывается тем сильнее, чем слабее первая. Строительство сильного авторитаризма требует не меньшего политического искусства, не меньшей концентрации политической воли верхов и мобилизации низов, чем формирование жизнеспособной демократии⁹. В современной России есть огромный дефицит всех этих составляющих *конструктивной* политики, какова бы ни была ее направленность — демократическая или авторитарная. Следствие этого — существование дряблого, во многих отношениях неэффективного государства, непригодного не только для крупного созидания, но и для исполнения тех элементарных функций, которые образуют само понятие государства¹⁰. Если одна из важнейших среди них — монополия на легальное насилие, то что о такой монополии можно сказать в условиях нескончаемой войны на Кавказе, не говоря уже о разгуле организованной преступности? Если безопасность граждан — первейшая задача государства, то адские пожары 2010 года и бесконечная череда техногенных и рукотворных катастроф — эмпирические показатели ее нерешенности нашим государством. Известно, что ни одно государство не может быть здоровым без дисциплины государ-

9. Подробнее об этом см.: *Holmes S. Conclusion: The State of the State in Putin's Russia // The State after Communism: Governance in the New Russia / T. J. Colton et al. (eds.). Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2006. P. 303 ff.*

10. Речь идет о тех функциях, которые схватываются понятием «дееспособности государства» (*state capacity*). Подробнее об этом понятии см.: *Rodrik D. Institutions for High Quality Growth: What They Are and How to Acquire Them // Studies in Comparative International Development. 2000. Vol. 35. № 3. P. 3–31. По меркам дееспособности современная Россия относится скорее к категории «провалившихся государств» (*failed states*) (См.: *Goldstone J. Pathways to State Failure // Conflict Management and Peace Science. 2008. Vol. 25. P. 285–296*).*

ственных финансов, но само понятие такой дисциплины стало злой шуткой в условиях тотального казнокрадства и лихоимства. О (не) способности государства к проведению какой-либо структурной политики вопиет нарастающая *архаизация* национальной экономики, столь наглядно демонстрируемая позорной — даже по меркам не слишком развитых стран «третьего мира» — структурой экспорта и катастрофической зависимостью благополучия страны от колебаний мировых цен на углеводороды. И так далее. *Ни демократия, ни авторитаризм невозможны в условиях государства с такой низкой дееспособностью* в каком-либо ином смысле, помимо ритуальных жестов, бессмысленных процедур и воистину постмодернистских симулякров «державности»¹¹. Реальной оппозицией в этих условиях оказываются не «демократия и авторитаризм», а утрачивающие характеристики государства институты власти, превращенные господствующим классом (бюрократией) в свою частную ответственность¹², и возможности коллективных действий низов, направленных на деприватизацию государства.

Соответственно, причину стабильности этого на первый взгляд столь шаткого режима следует искать в том, *что* препятствует возникновению таких коллективных действий, а не в том, *что* их подавляет (авторитаризм)¹³. Из дальнейшего мы увидим, что таким препятствием является сам капитализм с его хорошо из-

11. Неэффективность российского государства столь велика, что оно не способно функционировать даже в качестве того «комитета по управлению общими делами буржуазии», о котором писали Маркс и Ленин и который выступает, так сказать, минимальным определением государства при капитализме, точнее, необходимым, но недостаточным условием существования капиталистического государства *как государства*. Процесс над ЮКОСом и разгром его — лишь яркое символическое представление того бесконечного передела собственности между фракциями власть и капитал имущих, который делает невозможным консолидацию их господства в качестве класса и под эгидой «общего интереса» и «общих дел».

12. Маркс К. Критика гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. С. 272.

13. Российский режим удивительно стабилен, тем более учитывая низкое качество жизни огромного большинства населения и периодически проводимые над ним «реформаторские» эксперименты. Согласно «индексу человеческого развития» ООН, РФ занимает 67-е место — на уровне Албании, но заметно ниже Перу, Беларуси, Палау, Кубы и т.д., что является колоссальным отступлением по сравнению с советским временем (см.: List of Countries by Human Development Index 2011. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_Human_Development_Index). Однако уровень массовых протестов в РФ вплоть до декабря 2011 года был очень низок по мировым меркам: во всех их формах участвовали порядка 2–3% россиян, причем такие протесты имели почти исключительно локальный характер, что делало их политически безопасными для власть предержащих.

вестными и обстоятельно документированными (Юргеном Хабермасом¹⁴, Робертом Патнэмом¹⁵ и другими¹⁶) тенденциями подрыва и размывания гражданского и публично-политического измерения бытия людей (и солидарности между ними) и их замыкания в сфере приватности. Конечно, важно понять, почему столь молодой и в других отношениях столь неэффективный российский капитализм преуспел в этом деле больше его западного визави.

РАССУЖДЕНИЕ ВТОРОЕ

Анализ причин и характера дисфункциональности российской демократии предполагает понимание того, какова в этом явлении связь общего и особенного. Даже беглый взгляд на социальную статистику стран ОЭСР обнаруживает, что в этих «цистаделях демократии» явления, отнесенные нами к понятию «дисфункциональность демократии», имеют ярко выраженную, устойчивую и долговременную тенденцию роста, по крайней мере с начала 70-х годов XX века. Так, во всем западном мире, за исключением Нидерландов, в течение уже сорока лет набирает ход тенденция роста неравенства и углубления пропасти между богатыми и бедными. В США значения неравенства между богатыми и бедными сейчас достигли своего *исторического пика*, знаменательно выйдя на уровень 1929 года, когда разразилась катастрофа «Великой депрессии»¹⁷. Углубление имущественного неравенства особенно сильно бьет по и без того наиболее социально придавленным меньшинствам, тем самым подрывая и «отыгрывая назад» многие эгалитарные завоевания прошлых лет, когда демократия в известной мере еще служила формой и методом борьбы за справедливость¹⁸.

Однако нарастающая дисфункциональность демократии стала все более зримо угрожать и положению средних классов,

14. См.: *Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1989.

15. См.: *Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. N.Y.: Simon & Schuster, 2000.

16. См.: *Habermas and the Public Sphere / C. Calhoun (ed.)*. Cambridge (MA): The MIT Press, 1992.

17. *Prindle D. F. The Paradox of Democratic Capitalism*. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 2008. P. 238–248; *Kenworthy L., Pontusson J. Rising Inequality and the Politics of Redistribution in Affluent Countries // Perspectives on Politics*. 2005. Vol. 3. № 3. P. 449–471; *Sachs J. Why America Must Revive Its Middle Class // Time*. 2011. October 10. P. 30.

18. См.: *Wealth Gaps Rise to Record Highs Between Whites, Blacks and Hispanics*. Pew Research Center, 2011. URL: http://pewsocialtrends.org/files/2011/07/SDT-Wealth-Report_7-26-11_FINAL.pdf.

и именно в этом таится, как представляется, главная опасность для воспроизводства так называемого демократического капитализма. Реальная средняя зарплата американца, занятого полный рабочий день, не увеличивалась с 1973 года — независимо от подъемов и спадов экономики в течение этого долгого периода¹⁹. В условиях роста стоимости жизни американские домохозяйства поддерживались на плаву исключительно за счет массового выхода замужних женщин на рынок труда (относительно новое для США явление) и безудержного роста кредитной задолженности. С 1980 по 2005 год задолженность домохозяйств *утроилась*, достигнув к настоящему времени астрономической величины в 12 триллионов долларов²⁰. Вкупе с суверенным долгом США, приближающимся к 17 триллионам долларов, и колоссальными корпоративными долгами частная задолженность стала одним из главных факторов жесточайшего финансового кризиса, недавно охватившего глобальный капитализм²¹. Еще в 2005 году, то есть за несколько лет до финансового кризиса, приведшего к новому взрыву задолженности, суммарный частный, государственный и корпоративный долг США превысил 300% ВВП страны (!)²². Это означает, что он не может быть выплачен никогда и ни при каких условиях, и это — главное для понимания того, как может развиваться глобальный финансовый кризис дальше.

Ухудшение положения средних классов стало непосредственно сказываться на их повседневной жизни. С 2008 года 70% американцев сократили свои расходы на отпуск и развлечения, 40% стали тратить на текущие нужды накопления на старость и обучение детей в колледжах, 29% начали одалживать у родственников и друзей, 34% познали «недобровольную» безрабо-

19. Заработная плата американок не стагнировала столь явно вследствие того, что они диспропорционально представлены в таких сферах, как здравоохранение и образование, менее подверженных депрессии, чем промышленность с ее высокой долей мужской занятости.

20. *Harvey D.* The Enigma of Capital and the Crisis This Time // *Business as Usual. The Roots of the Global Financial Meltdown* / C. Calhoun et al. (ed.). N.Y.: New York University Press, 2011. P. 100; *Not So Frugal* // *Time*. 2011. March 14. P. 18.

21. Некоторые исследователи усматривают в экономической деградации средних классов глубинную причину мирового финансового кризиса — см.: *Attali J.* After the Crisis: How Did This Happen. Washington, DC; Paris: ESKA Publishing, 2010. P. 10 ff. Джеффри Сакс также увязывает главные аспекты кризиса — от падения нормы накопления и инвестиционного голода «реальной экономики» до эпидемии спекуляций и «утраты самодисциплины» — с упадком средних классов. Соответственно, в их возрождении он видит ключевое условие преодоления кризиса (*Sachs J.* Op. cit. P. 30; *Idem.* The Price of Civilization. N.Y.: Random House, 2011. P. 11–26).

22. *Foster J. B., Magdoff F.* The Great Financial Crisis. N.Y.: Monthly Review Press, 2009. P. 100.

тицу, 77% впервые назвали главной причиной своего беспокойства отток рабочих мест за рубеж, то есть деиндустриализацию Америки²³. Но главный удар, похоже, ожидает средние классы в не столь отдаленном будущем — это кажущееся неминуемым банкротство «государства благосостояния». По оценкам, сделанным в 2010 году, объем *не обеспеченных* финансированием платежей по социальной страховке и социальной медицине (*Social Security and Medicare*) достигнет 78 триллионов долларов²⁴. На покрытие этих заоблачных расходов может не хватить даже галопирующего госдолга США, если вообще будет сохраняться американская гегемония в мире, позволяющая ему галопировать.

Возможно, Джон Грэй прав: в современных условиях «средний класс есть роскошь, которую капитализм не может себе больше позволить»²⁵. А возможно, средние классы — в коалиции с другими жертвами современного капитализма — смогут своей политической борьбой преодолеть дисфункциональность демократии и повернуть развитие капитализма в другое русло (если, отдавая дань «политическому реализму», абстрагироваться от возможных некапиталистических альтернатив). Такие развороты капитализма под давлением демократического подъема низов неоднократно имели место в истории — достаточно вспомнить становление самого демократического капитализма и осуществленный в его рамках синтез «рынка» и «государства благосостояния». Примечательно, что именно такие развороты придавали капитализму «второе дыхание», свидетельством чему и был беспрецедентный послевоенный экономический бум на Западе. Этот пример наряду с другими показывает, что демократия может быть функциональна не только в плане защиты социальной справедливости для неимущих, но и для *самого капитализма*, заставляя его выходить из тупиков, куда его заводит «спонтанное развитие»²⁶, заставляя принимать новые

23. Foroohar R. A New Era of Volatility // Time. 2011. October 10. P. 29.

24. Zakaria F. The Debt Deal Failure // Time. 2011. August 15. P. 33.

25. Gray J. Straw Dogs: Thoughts on Humans and Other Animals. N.Y.: Farrar, Strauss and Giroux, 2007. P. 161.

26. Поучительно, что возможность попадания «спонтанного процесса» в исторические тупики, из которых он не в состоянии извлечь себя сам, признает и такой трубадур «спонтанности», как Ф. Хайек, у которого она наделяется сугубо положительными значениями, а все противоположное ей — негативными (см.: Hayek F. A. Law, Legislation and Liberty. Vol. 1. Chicago: The University of Chicago Press, 1976. P. 88–89). У Хайека, правда, остается непонятным, каким образом лишенный каких-либо внутренних противоречий «спонтанный процесс» сам себя загоняет в тупики и как оценивать тот «политический конструктивизм» (по определению пагубный и чреватый тоталитаризмом), который вытаскивает «спонтанность» из тупиков. Вероятно, единственным выходом из этих трудностей будет отказ

институциональные формы и совершать новые технологические рывки. История капитализма никогда не сводилась к логике движения «свободного рынка» (и преодолению ею всяческих помех на своем пути). Она всегда была тем, что Карл Полани называл «двойным движением», — всякий раз возобновляемым движением к «свободному рынку» и рано или поздно складывающимся сопротивлением ему во имя защиты «общества» от его колонизации капиталом. «Реально существующий капитализм» — это всегда некий баланс данных движений или в каких-то случаях его нарушение с соответствующими экономическими, политическими, нравственными и культурными последствиями. Похоже, что в современном мире мы имеем радикальное нарушение этого баланса, ставшее возможным вследствие дисфункционализации демократии и приведшее к глубокой мутации капитализма²⁷.

Приведенные соображения, как думается, подталкивают к мысли о том, что дисфункциональность — общая характеристика демократии в России и на Западе, хотя она и имеет в них в чем-то разные проявления (в частности, как мы видели, в России она сочетается с дефектностью), и что она неким образом обусловлена мутацией современного капитализма. Для выяснения того, насколько обосновано такое предположение, нам нужно рассмотреть, во-первых, как вообще формируется и выглядит связь капитализма и демократии, во-вторых, в чем именно заключается мутация современного капитализма и как она отражается на практиках демократии.

РАССУЖДЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Нет никакой predetermined «сущностной» связи между капитализмом и демократией, и бесконечные отвлеченные споры о том, в чем заключается их «избирательное сродство» или их «избирательное взаимное отторжение», представляются малопродуктивными²⁸. В лучшем случае они могут дать перечень

от самой идеи «спонтанности» как противоположности «политическому конструктивизму» и переход к пониманию их неустраимой исторической переплетенности, которую и стремится уловить концепция «двойного движения» Полани.

27. Глубокий анализ концепции «двойного движения» капитализма и ее применение к реалиям наших дней см.: Block F. Towards a New Understanding of Economic Modernity // *The Economy as a Polity: The Political Constitution of Contemporary Capitalism* / C. Joerges et al. (ed.). L.: UCL Press, 2005.

28. Сторонники «избирательного сродства» делают упор на то, что и капитализм, и демократия предполагают «свободу выбора», отделение экономиче-

возможных комбинаций капитализма и демократии типа того, который мы находим у Габриела Алмонда: а) капитализм поддерживает демократию; б) капитализм подрывает демократию; в) демократия подрывает капитализм; г) демократия стимулирует капитализм²⁹. В плане эмпирических наблюдений и индуктивных обобщений участники таких споров обычно сходятся в том, что можно назвать «формулой Роберта Даля»: говоря абстрактно, капитализм, конечно же, противоречит ключевым ценностям демократии. Однако на практике демократии существуют только в сочетании с «рыночно ориентированными экономиками». Последние же могут обходиться без демократии, тогда как «огосударственные экономики» никогда не встречаются в тандеме с демократией³⁰. Даже если такие наблюдения эмпирически корректны, они, во-первых, оставляют рассмотрение связи между капитализмом и демократией на уровне корреляций, не развивая его до анализа причинно-следственных отношений и структурных детерминаций (или — в смысле Альтюссера — «сверхдетерминаций»), а во-вторых, обходят стороной историческую динамику этой связи и многообразие ее модификаций, обусловленное многовариантностью самого капитализма. Восполнение этих недостатков исследования связи капитализма и демократии требует учета как минимум следующих обстоятельств.

Первое. Исторически демократия не только не является «естественной» политической формой капитализма — он, как и любая другая общественная формация, базирующаяся на неравенстве, является антитезой демократии в ее (предполагаемых или реальных) качествах наделяния властью народа и потенциально ничем не ограниченного вопрошания любых явлений общест-

ской власти от политической и ограничение последней, а также автономии и плюрализм социальных акторов. Их противники подчеркивают, что капитализм находится в конфликте с принципами справедливости и равенства, основополагающими для демократии, и «экономизирует» политику, подчиняя последнюю игре частных интересов и тем самым разрушая ту сферу «публичной жизни», в которой протекает политика как таковая.

29. См.: *Almond G. Capitalism and Democracy* // *PS: Political Science and Politics*. 1991. Vol. 24. № 3. P. 467–474.

30. *Dahl R. After the Revolution?* Revised ed. New Haven, CT: Yale University Press, 1990. P. 80–83. Стоит заметить, что, строго говоря, «формула Даля» описывает связи демократии и «рыночной экономики», а не капитализма. Отождествление «рынка» и «капитализма», конечно же, подразумевается (но нигде не доказывается!) многими интерпретаторами этой «формулы». Мы вернемся к проблеме такого отождествления ниже и постараемся показать его несостоятельность.

венной жизни, включая распределение собственности, и вынесения по ним соответствующих политических решений. Отвержение генералом Айртоном (и самим Кромвелем) требований левеллеров во время знаменитых дебатов в Петни в 1647 году дать «простым людям» минимальные права участия в политической жизни как несовместимых с общественным порядком вообще³¹; упорное сопротивление либералов XIX века даже весьма ограниченному распространению избирательного права на трудящиеся классы как, по выражению лорда Маколея, угрозе нового нашествия гуннов и вандалов, но на сей раз — из чрева самой «цивилизации», а не извне ее³²; критика демократии либеральными консерваторами как саморазрушительной и губительной для «рыночной экономики»³³, прозвучавшая после демократического подъема 60-х годов XX века, — лишь некоторые вехи борьбы власти частной собственности против демократических поползновений народа. Сама серьезность такой борьбы — свидетельство того, что демократия могла оказывать и оказывала воздействие на структуры экономического неравенства и господства, капиталистические и иные, против которых она была направлена на том или ином этапе истории.

Второе. Конкретные сочетания капитализма и демократии, лишь умозрительным и поверхностным отражением которых является приведенная выше классификация Алмонда, определяются не чем иным, как степенью упорства масс в их сопротивлении угнетению и степенью готовности к компромиссам, на которые идут господствующие группы вследствие слишком высокой цены борьбы и угрозы, порождаемой ею для существования данного режима³⁴. В ряде случаев уступки в самом деле были весьма значительными. Примером этому может служить создание в ведущих западных государствах после Второй ми-

31. Divine Right and Democarcy. An Anthology of Political Writing in Stuart England / D. Wootton (ed.). Harmondsworth, UK: Penguin, 1986. P. 287, 296, 299 ff.

32. См.: Lord Macaulay T. B. Letter to Hon. Henry S. Randall. May 23, 1857 // The New York Times. 2011. URL: <http://www.nytimes.com/1860/03/24/news/macaulay-democracy-curious-letter.html>.

33. См.: Brittan S. Op. cit.

34. В исторической социологии убедительно показано, что уступки правящих классов относительно расширения избирательного права во многих случаях были продиктованы необходимостью заручиться лояльностью масс в ситуации, в которой введение всеобщей воинской повинности было непременным условием поддержания военной конкурентоспособности современных капиталистических государств на европейской и мировой аренах (Bendix R. Nation-building and Citizenship. N.Y.: Wiley, 1964. P. 94; Finer M. S. State and Nation Building in Europe: The Role of the Military // Formation of National States in Europe / Ch. Tilly (ed.). Princeton, NJ: Princeton University Press, 1975. P. 153).

ровой войны и великого экономического кризиса 1930-х годов структур «государства благосостояния», приведших к частичной декоммодификации рабочей силы и соответствующим преобразованиям в механизмах функционирования капитализма³⁵. Однако в действительности масштабы таких уступок и их следствия для политэкономии капитализма везде на Западе оставались под контролем господствующих групп и поэтому никогда не переходили границ «капиталистической демократии», формула которой — «демократия + господство капитала»³⁶.

Третье. Удержание демократии в границах «капиталистической демократии» означает сохранение структурной детерминации государства капиталистически организованной экономикой. Такая детерминация задана самим разделением «экономики» и «политики». Вследствие его государство оказывается в зависимости от не контролируемых им темпов и объемов накопления капитала (как общей базы налогообложения), в то же время обеспечивая его общие политико-правовые условия³⁷. Последнее, конечно, предполагает, что при «нормальном ходе вещей» государство — это нечто большее, чем «комитет по управлению общими делами буржуазии» (а не меньшее этого, как в России). Ведь оно должно быть в известной мере *автономно* по отношению ко всем классам для того, чтобы выстроить «блок власти», в котором гегемония буржуазных верхов обеспечивается вписывающейся в ее логику *реальной* артикуляцией интересов трудящихся низов³⁸. Однако с конца 1970-х годов происходят фундаментальные изменения (их отражает и толкает вперед «неоконсервативная революция»), которые сделали грамшианскую модель гегемонии и ее модификацию Пуланцасом неадекватной новым структурам господства. Подавление сопротивления рабочего класса (вспомним победу режима М. Тэтчер над шахтерами в грандиозной забастовочной битве 1984–1985 годов) и общий упадок профсоюзов сделали артикуляцию интересов

35. См.: Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990.

36. Therborn G. The Rule of Capital and the Rise of Democracy // New Left Review. 1977. № 103. P. 34–35.

37. Offe C., Ronge V. Theses on the Theory of the State // New German Critique. 1975. № 6. P. 137–138.

38. См.: Poulantsas N. The Crisis of the Dictatorship. L.: NLB, 1976; Jessop B. Capitalism and Democracy: The Best Possible Political Shell? // Power and the State / G. L. Littlejohn et al. (ed.). N.Y.: St. Martin's Press, 1978. P. 31–32. В обеспечении государством общих политико-правовых условий накопления капитала, несомненно, входит также поддержание тех *ограничений* притязаний капитала, которые делают его в веберовском смысле «рациональным», о чем у нас пойдет речь ниже.

низов в качестве момента, определяющего гегемонию верхов, неактуальной. Соответственно, гегемония как *этико-политическая* модель отношений классов уступает место в шмиттовском смысле *деполитизированному* «политическому рынку». В «игре» на нем частно-групповые интересы низов, на которые распадаются прежние классовые интересы, есть заведомо слабая сторона, ведь на любом рынке сила и слабость определяют именно покупательную способность «агентов трансакций». К тому же вследствие неравномерности распределения того, что Бурдье называл «символическим капиталом», низы оказываются в «культурном подчинении» у верхов. В основе этой новой модели господства — *маркетизация политики*, и сделал ее возможной тот «мутировавший» капитализм, который утверждался в качестве доминирующего в 1980–1990-е годы. Именно в комбинации с ним демократия становится дисфункциональной и по меркам своей прежней *дееспособности* (периода индустриального и фордистского капитализма) выглядит скорее *преодолением демократии* или «постдемократией», как ее окрестил Колин Крауч³⁹.

РАССУЖДЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Рассмотрение специфики современного «мутировавшего» капитализма требует уточнения общего понимания категории «капитализм». На мой взгляд, это предполагает ревизию двух привычных отождествлений его, во-первых, со «способом производства», что характерно для марксизма, во-вторых, с «рынком», что типично для либеральной идеологии и особенно для такой ее составляющей, как мейнстримная экономическая теория⁴⁰.

39. См.: Крауч К. Постдемократия. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. Несколько отличную концепцию «постдемократии» Жака Рансьера см. в: Post-democracy, politics and philosophy: An interview with Jacques Rancière // Journal of the Theoretical Humanities. 1996. Vol. 1. № 3.

40. Такое отождествление — сравнительно недавний продукт либеральной идеологии. Оно вошло в обиход благодаря так называемой марджиналистской революции в экономической теории и представляет собой решительный разрыв с классикой политической экономии, связанной с именами физиократов Адама Смита, Давида Рикардо и т.д. Почти как афоризм Леон Вальрас выразил это отождествление следующим образом: «Весь мир может быть рассмотрен как обширный общий рынок, состоящий из разнообразных специализированных рынков, на которых покупается и продается общественное богатство» (Walras L. Elements of Pure Economics / W. Jaffé (trans.). Homewood, IL: American Economic Association, 1954. P. 84). Суть здесь, конечно, в том, что «весь мир» уже не рассматривается как «обширное производство, состоящее из разнообраз-

Сразу подчеркнем, что наша ревизия этих положений *не* предполагает отрицания того, что капитализм выступал и выступает в качестве способа производства, как и того, что рынок играл и играет центральную роль в функционировании капитализма. Мы лишь поставим вопросы о том, является ли способ производства всеобщей формой бытия капитализма или одним из его функциональных и исторических проявлений (возможно, и определяющим на некоторых этапах развития капитализма), а также о том, есть ли рынок универсальная «стихия» существования капитализма или одна из стратегий, к которой может прибегать капитал в процессе своего накопления.

Общим (и пока абстрактным) определением капитализма можно считать то, которое дает Фернан Бродель и которое удачно резюмирует Джованни Арриги: капитализм — это «верхний слой» мира коммерции. Он состоит из индивидов, сетей отношений и организаций, которые систематически присваивают наибольшую прибыль независимо от характера своей деятельности (финансовой, торговой, промышленной, аграрной и т. д.). Рынок — это нижележащий «слой» экономической жизни, характеризующийся регулярной деятельностью по купле-продаже, выгоды от которой более-менее пропорциональны связанным с ней издержкам и рискам⁴¹. В истории существовали разные типы рынков, но все они, за исключением того, который стал функцией «современного капитализма», имели между собой то общее, что было формой обменной деятельности между *независимыми* производителями (пусть в известных случаях и опосредованной купцами). Соответственно, производство выступало их *базисом*. Завоевание рынка (или рынков) «современным капитализмом» кардинально меняет ситуацию: «Обмен здесь уже более не является функцией обмена излишками между независимыми производствами. Напротив, он выступает всеобщей предпосылкой и моментом самого производства»⁴². Именно завоевание и такое преобразование рынка капитализмом, первейшим условием чего выступает превращение рабочей силы в товар, создает видимость их тождества. Однако эта

ных специализированных производств», продукты которых неким образом обмениваются. При всей очевидности идеологической установки, определяющей такие взгляды, нельзя не поражаться тому, с какой проницательностью они предвосхищали позднейшую мутацию капитализма, свидетелями которой мы стали уже в конце XX — начале XXI веков.

41. *Braudel F. Civilization and Capitalism, 15th — 18th Century*. N.Y.: Harper & Row, 1981. Vol. 1. P. 23–25; *Arrighi G. State, Markets, and Capitalism, East and West // Worlds of Capitalism. Institutions, Governance and Economic Change in the Era of Globalization* / M. Miller (ed.). L.; N.Y.: Routledge, 2005. P. 127.

42. *Marx K. Grundrisse* / M. Nicolaus (trans.). N.Y.: Vintage, 1973. P. 408.

видимость — не химера, а превращенная репрезентация того реального обстоятельства, что рынок оказывается в центре общественной формации, именуемой «капитализм», и служит теперь ее «всеобщей предпосылкой».

Но именно это и поднимает вопрос о том, является ли способ производства всеобщей формой бытия капитализма. Маркс определяет капитализм именно как способ производства и хвалит Давида Рикардо за признание производства «самореализацией капитала» (!)⁴³. Всеобщей формулой движения капитала в логике капитализма как способа производства является $\{D-T-D'\}$, то есть обязательное принятие денежным капиталом формы «предметов» (товаров), выступающих в роли «факторов производства». Конечно, сам Маркс отмечал возможность минования капиталом стадии опредмечивания в факторах производства. В определенных обстоятельствах и на определенных «этажах» капиталистической организации экономической жизни капитал мог, избегая, как казалось, «первородного греха» материализации в факторах производства, *самовозрастать*. Формула самовозрастающего капитала — $\{D-D'\}$. С точки зрения Маркса, она описывает движение *особого* вида капитала, который, сколь бы ни возрастали его размеры и как бы ни увеличивался его удельный вес в совокупном движении капитала, оставался зависимым от способа производства и в конечном счете обслуживающим его. Это — финансовый капитал.

По большому счету правоту такого подхода Маркса подтвердили не только Торстейн Веблен и Рудольф Гильфердинг, которые при всем новаторском анализе ими возросшей мощи финансового капитала в начале XX века и таких новых явлений в его деятельности, как подчинение им промышленного и торгового капитала, снижение стоимости последнего относительно финансового капитала, использование им рычагов государственной власти, рост акционерных обществ и спекуляций с фиктивным капиталом и т. д., стояли на точке зрения конечной зависимости финансового капитала от материального производства⁴⁴. Правоту Маркса, пусть несколько парадоксальным образом, подтвердили катастрофа 1929 года и ее последствия.

43. Marx K. Grundrisse. P. 410.

44. Так, Веблен мог сколь угодно решительно подчеркивать социальную бесполезность «нематериальных активов» (*intangible assets*) и их неучастие в «материальной производительной работе», но он не сомневался в их конечной зависимости от промышленного производства и их принципиальной связи с «материальными активами» и конвертируемости в последние. См.: Veblen T. On the Nature of Capital: Investment, Intangible Assets, and the Pecuniary Magnate // The Quarterly Journal of Economics. 1908. Vol. 23. № 1. P. 104, 115–119.

Да, Великая депрессия была непосредственно запущена крахом фондовой биржи, и уже это свидетельствует о колоссально возросших к тому времени мощи и значении финансового капитала. Но выход из депрессии не имел ничего общего с тем, как пытаются преодолеть финансовый кризис и рецессию ныне. Тогда финансовый капитал не играл сколько-нибудь существенной роли в восстановлении, и оно происходило почти исключительно за счет мер, направленных на оживление реальной экономики (включая, конечно, военно-промышленный комплекс)⁴⁵. То, что именно эта стратегия сработала тогда, как и то, что к ней и не думают прибегать сейчас, по сути ограничиваясь спасением тех же финансовых монстров, которые своими авантюрами и мошенничеством вызвали нынешний кризис, показывает в первую очередь, насколько фундаментально современный «мутировавший» капитализм отличается от своего предшественника, оставшегося *способом производства* даже в условиях доминирования финансово-монополистического капитала.

Однако верно ли то, что материализация капитала в факторах производства действительно является «первородным грехом» капитализма как такового (в указанном броделевском его понимании)? К примеру, «новые люди» итальянских городов-государств периода Возрождения, те же Медичи как образцовые банкиры и купцы того времени, почему-то предпочитали вкладывать накопленный капитал не в интенсификацию материального производства, а в то, что Ричард Лахман назвал «рефеодализацией» структур их господства — в поместья, должности, патронажно-клиентельные отношения и т. д.⁴⁶ Более того, исторические социологи убедительно показывают то, что финансиализация капитала, то есть его уход от материального производства в эмпирии спекуляций, ростовщичества, гешефтов с государством и т. п. является регулярно повторяющейся моделью его деятельности с зари Нового времени вплоть до наших дней. И периодически такая модель становится господствующей и подчиняющей себе другие формы бытия капитала⁴⁷. В свете этого в объяснении нуждается скорее то, почему капитал по-

45. См.: Foster J. B., Magdoff F. Op. cit. P. 82–83.

46. Lachmann R. Capitalists in Spite of Themselves. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 228–229.

47. Беверли Сильвер и Джованни Арриги демонстрируют эту закономерность на примерах подъема и упадка таких сменявших друг друга лидеров мирового капиталистического развития, как Генуя, Нидерланды, Англия, проводя параллели между более ранними и современными формами финансиализации капитала. См.: Silver B. J., Arrighi G. The End of the Long Twentieth Century // Business as Usual. The Roots of the Global Financial Meltdown / C. Calhoun et al. (ed.). N.Y.: New York University Press, 2011.

рой все же идет в материальное производство, чем то, почему он уходит от него в более легкие и прибыльные сферы накопления, что с точки зрения инструментальной логики оптимизации издержек и выгод, которой он не может не руководствоваться, абсолютно *рационально*. Иными словами, встает задача объяснить, почему и каким образом капитализм *может стать* способом производства и, хотя бы в течение некоторого времени, не поддаваться финансиализации. Способ производства, таким образом, предстанет не всеобщим определением капитализма, а его *исторически контингентным способом существования*.

Конечно, такой подход требует основательного переосмысления методологии социально-философских исследований. В первую очередь придется отказаться от представлений о капитализме (и любом другом социально-историческом предмете) как некой сущности с имманентными и нерушимыми законами своего развертывания во времени и пространстве. Вместо этого он предстанет контингентным (и в принципе изменчивым) результатом взаимодействия множества явлений и процессов, который сохраняет стабильность до тех пор, пока и в той мере не нарушается «параллелограмм сил», приведших к его появлению в исторически конкретном виде. Хотя временами эта стабильность бывает столь велика, что капитализм может уподобиться, по выражению Макса Вебера, судьбе нашего мира.

Примерно такой *антиэссенциалистский* подход к объяснению возникновения и развития капитализма (но смещая акценты с политического «параллелограмма сил» на религиозно-нравственные структуры мотивации «капиталистической» деятельности) принимает Вебер. По сути, логика его поиска ответа на вопрос, благодаря чему капитализм может стать способом производства, то есть именно «*ведением хозяйства*, которое основано на ожидании прибыли посредством использования возможностей обмена», состоит в том, чтобы понять, каким образом «обуздывается» «алчность в делах наживы» так, что более легкие и прибыльные сферы обогащения (связанные с авантюрами, грабежом, спекуляциями, гешефтами и т. д.) оказываются перекрыты и деятельность людей направляется в методично организованное производство. Поэтому сам капитализм оказывается у Вебера *идентичен* такому «обузданию алчности», он по существу и есть препоны на путях «легкой наживы», которые делают капитализм систематически производительным⁴⁸.

У нас нет возможности останавливаться на полемике о том, в какой мере «протестантская этика» в действительности сыг-

48. См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 47–48.

рала роль таких препон и не было ли в истории более надежных и эффективных (институциональных и иных) средств обуздания «алчности в делах наживы», которые выступили в качестве несущих конструкций веберовского «рационального» и производительного капитализма. Обратим внимание на другое. У Вебера «рациональный капитализм» обузданной алчности предстает «современным капитализмом», своего рода кульминацией «истории хозяйства», что, конечно, парадоксально, учитывая общую направленность веберовской социологии против эволюционизма и исторического детерминизма, столь характерных для теоретического мышления XIX столетия. Поздние воплощения «современного капитализма» представляются Веберу лишенными высокой духовности раннего протестантизма, и, соответственно, те религиозно-нравственные препоны алчности, которые сделали возможным появление этого типа капитализма, считаются утратившими свою былую эффективность. В XX веке капитализм вообще может предстать «железной клеткой», в которой обитают ничтожества, мнящие себя вершиной развития человечества. Но Вебер верит в то, что «клетка» эта нерушима, что алчность производительно *рационализована* раз и навсегда. Дух мирской аскезы может иссякнуть, но «победивший капитализм не нуждается более в подобной опоре с тех пор, как он покоится на механической основе»⁴⁹.

А что если в современном (или уже постсовременном?) обществе «казино-капитализма», ставящем политэкономии безудержного потребления и жизни в кредит на место политэкономии производства и накопления, то есть в действительности превращающем «весь мир» из фабрики и фермерского хозяйства в «рынок» (см. сноску 40), «железная клетка» старой рациональности демонтируется? Или, скорее, превращается, используя остроумное выражение Эрнста Геллнера, в «резиновую клетку»⁵⁰. Свободы в ней, конечно, не больше, чем в «железной клетке», — «порядок» в «резиновой клетке» обеспечивается даже более эффективными механизмами контроля и манипуляции, но это — другой «порядок» и совсем другая «рациональность», чем та, которую связывал с «современным капитализмом» Вебер⁵¹. «Резиновая клетка» — это и есть образ общества нового «мутировавшего» капитализма.

49. Там же. С. 206.

50. См.: Gellner E. The Rubber Cage: Disenchantment with Disenchantment // Gellner E. Culture, Identity and Politics. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1987.

51. Специфика механизмов контроля в этом новом типе общества — отдельная и очень большая тема исследований. Не углубляясь в нее, сошлюсь на концепцию «общества контроля» Жюльена Делёза, с которой я

РАССУЖДЕНИЕ ПЯТОЕ

Нынешний финансовый кризис вызвал новый всплеск дебатов о характере капитализма, страдающего такого рода кризисами, причем эти дебаты, что случается редко, вышли далеко за рамки академического мира (так, ими оказалась пронизана избирательная кампания в США 2011–2012 годов, причем на стороне республиканцев даже больше, чем на стороне демократов). Как это ни удивительно (учитывая и мощь охранительной идеологии капитализма, и реальную политику западных правительств, по-прежнему осуществляющуюся в логике *business as usual*), взгляд на нынешний кризис как всего лишь очередное, пусть и очень драматичное колебание экономической конъюнктуры является, пожалуй, наименее распространенным и убедительным. Похоже, «мутацию» капитализма невозможно больше игнорировать даже наиболее твердокаменным его апологетам (конечно, сказанное не относится к отечественным апологетам, провинциальность которых отлучает их от каких-либо серьезных мировых дискуссий). Но интерпретировать ее можно по-разному.

Во-первых, ее можно представить следствием опухоли на теле (в принципе крепком) капиталистической экономики. Назовем эту опухоль — вслед за одним из бывших республиканских претендентов на Белый дом Ньютом Гингричем — «кумовским капитализмом» (*crony capitalism*), а тело капиталистической экономики отождествим с истинной «системой свободного предпринимательства». Тогда у нас получится, что «кумовской капитализм» позволяет сверхбогатым и власть имущим транжирить деньги общества друг на друга (образцом чего и является многомиллиардное спасение государством финансовых монстров в ходе нынешнего кризиса), обескровливая тем самым реальную экономику и толкая вниз доходы средних и нижних классов. Опухоль эта, несомненно, операбельна: в конце концов, «кумовской капитализм» — это всего лишь «определенные действия в определенных местах», то есть он как бы локализуется в Вашингтоне. И сама операция весьма проста — «завоевание Вашингтона», избрание хороших парней, начиная с того же Гингрича, в президенты. Они удалят опухоль, и «свободное предпринимательство» расцветет своей первозданной пышностью⁵².

в принципе солидарен. См.: Делёз Ж. Контроль и становление. Post Scriptum к обществу контроля // Делёз Ж. Переговоры. СПб.: Наука, 2004.

52. См.: Finnigan M. Newt Gingrich: «Crony capitalism... is not free enterprise» // Los Angeles Times. 2012. January 11. URL: <http://www.latimes.com>

Не будем тратить время на критику такого объяснения «мутации» капитализма. Отметим лишь то, что в логическом плане оно идентично раннеперестроечным представлениям Горбачева и его круга об очищении подлинного «ленинского социализма» от порчи брежневского застоя. Разница лишь в том, что Гингрич, стань он президентом, бесспорно, ничего не сделал бы для срезания опухоли финансовой олигархии, сросшейся с верхушкой государственной власти. Как не делал и не сделает этого демократ Обама. И поэтому судьба США будет другой, чем СССР.

Во-вторых, «мутацию» капитализма можно объяснять более основательной его трансформацией, уже не сводимой к «определенным действиям в определенных местах» и вызванной «долговременными социальными, политическими и экономическими тенденциями». Отстаивая такую точку зрения, Джеффри Сакс несколько неожиданным для экономиста образом обнаруживает общий корень таких тенденций в «моральном кризисе» общества, а именно в подрыве чувства «социальной ответственности» и разрушении приверженности этой ценности. Конечно, данным недугом поражен не американский народ в целом, а всего лишь те же сверхбогатые, верхушка менеджмента и (само собой) «многие коллеги по академическому миру». Но именно они принимают решения общенациональной значимости, и эти решения привели к той *дерегуляции рынка*, которая обусловила основные беды нынешнего положения страны (и мира)⁵³. Анализ этих бед у Сакса впечатляет своей обстоятельностью, но морализаторское объяснение их причин (а что вызвало сам «моральный кризис» в когда-то нравственно здоровом обществе и каковы механизмы «негативной селекции», катапультировавшие именно социально безответственных людей на вершину власти?), а также общий пафос нравственной проповеди, нацеленной на «улучшение нравов падших», лишают его общую концепцию теоретической убедительности⁵⁴.

com/news/politics/la-pn-newt-gingrich-crony-capitalismis-not-free-enterprise-20120111,0,2756433.story.

53. Sachs J. The Price of Civilization. P. 1–5 ff.

54. Оставим в стороне еще один очень щекотливый вопрос. Сакс известен как великий паладин «шоковой терапии» в посткоммунистической Европе. Главная ее идея в том, чтобы *не мешать* государственной регуляцией (сверх того минимума, который входит в либеральное понятие «правового государства») действию универсальных и в принципе необоримых «формальных экономических законов» (Сакс Д. Рыночная экономика и Россия. М.: Экономика, 1995. С. 239). Что же блокирует действие этих законов в «рыночной» Америке? Почему они не обеспечивают ее процветание? Почему предписанием избавления от недуга оказывается не «меньше регуляции» (в целях их предполагаемого разблокирования),

В-третьих, нынешняя «мутация» капитализма трактуется как следствие его циклического колебания, но уже институционального, а не конъюнктурно-экономического порядка. Речь идет о колебаниях «исторического маятника» между (государственно) «организованным» и «неорганизованным капитализмом» (или «дезорганизованным», как выражался Клаус Оффе⁵⁵) в качестве двух основных режимов накопления капитала. Очередной срыв в пике дерегулированного, «либерального», «свободного капитализма» (не то же ли произошло в 1929 году?) вызывает необходимость возврата к кейнсианской регуляции экономики или даже к «государственному капитализму»⁵⁶. Конечно, новые технологии, глобализация, иная расстановка политических сил в мировом и национальном масштабах и т. д. внесут существенные коррективы в функционирование нового «кейнсианского капитализма», однако его системообразующие характеристики, включая более-менее «классические» формы классовой борьбы, будут воспроизведены вновь⁵⁷. Помимо более отвлеченных теоретических соображений есть одно «эмпирическое» наблюдение, которое заставляет усомниться в данном объяснении нынешней «мутации» капитализма. Неолиберализм, разрушая «регулятивный аспект» кейнсианства, не только не отказался от другого его важнейшего аспекта — дефицитной накачки экономики, но в буквальном смысле раздул его до неслыханных дотоле (в мирное время) размеров. Делалось это, правда, уже в целях надувания финансовых активов, а не стимулирования реальной экономики, но делалось сие именно посредством отказа от строгой финансовой дисциплины (как в государственном, так и в частном секторах) и всемерного стимулирования потребления благодаря доступности кредита⁵⁸. Это и привело к той астрономической государственной,

а «больше регуляции»? Не то что ответов на эти вопросы, а даже их постановки в последней книге Сакса «Цена цивилизации» мне найти не удалось.

55. См.: *Offe C. Disorganized Capitalism: Contemporary Transformations of Work and Politics.* Cambridge, MA: The MIT Press, 1985.

56. *Postone M. History and Helplessness: Mass Mobilization and Contemporary Forms of Anticapitalism // Public Culture.* 2006. Vol. 18. № 1. P. 93–110.

57. *Harvey D.* *Op. cit.* P. 107.

58. *Balakrishnan G. The Convolution of Capitalism // Business as Usual. The Roots of the Global Financial Meltdown / C. Calhoun et al. (ed.).* N.Y.: New York University Press, 2011. P. 218–219. Роберт Бреннер великолепно показывает то, как осуществлялся этот «неолиберально-кейнсианский» разворот американской экономики в период президентства Р. Рейгана («неолиберальный» — по целям и результатам, «кейнсианский» — по методам). Символично и иронично то, что именно архиконсерватор Рейган возглавил постмодернизацию американской экономики и разрушение старой вебе-

корпоративной и частной задолженности, о которой шла речь выше и которая считается главной причиной нынешнего глобального финансового кризиса. Так в каком же смысле можно говорить о неолиберальном колебании маятника *от* кейнсианства и, главное, что может дать в плане выхода из кризиса (будто бы) возвращение к кейнсианским методам стимулирования спроса, если они и привели к такому банкротству ведущих стран Запада, что им приходится попрошайничать у «рыночно недоразвитых» стран с «переходной экономикой»⁵⁹?

В-четвертых, «мутация» может быть понята как возникновение *нового типа* капитализма. Эту версию мы рассмотрим несколько подробнее.

Если прежний тип капитализма со всем множеством его региональных и стадийных подтипов был порожден индустриальной революцией и связанным с ней подъемом рабочего движения, то новый тип, обычно называемый финансиализованным, — продукт «деиндустриальной революции» и поражения и упадка рабочего движения. Суть дела, конечно, не только в абсолютном и относительном сокращении доли промышленности в ВВП ведущих стран Запада (о сельском хозяйстве не стоит в этой связи и говорить)⁶⁰, а именно в той принципиальной

провской рациональности капитализма. См.: *Brenner R. After Boom, Bubble and Bust. Where Is the US Economy Going? // Worlds of Capitalism. Institutions, Governance and Economic Change in the Era of Globalization / M. Miller (ed.). L.; N.Y.: Routledge, 2005. P. 208 ff.*

59. Чем, в частности, активно занимается директор-распорядитель МВФ Кристин Лагард: «Развивающиеся страны должны (sic!) понимать, что они <...> — те, к кому обратятся развитые страны за спасением» (*Танас О. Сберегать и спасать // Газета.Ру. 07.11.2011. URL: <http://www.gazeta.ru/financial/2011/11/07/3825606.shtml>*). Здесь приковывает к себе внимание не только забавный повелительный тон в отношении тех, у кого собираются выпрашивать деньги. Великолепа скрытая (и явно не понятая Лагард) ирония: «развитые» страны развились настолько, что могут спастись только за счет «недоразвитых», которые — слава богу! — еще не успели развиться настолько, чтобы оказаться неспособными спасти своих «рыночных» наставников.

60. Хотя масштабы и *темпы* такого сокращения говорят о многом сами по себе. Так, к моменту прихода к власти Тэтчер 36% британского ВВП производилось промышленностью, и в ней было занято 6,8 млн человек. Уже за первый срок пребывания ее у власти удалось ликвидировать каждое четвертое рабочее место в промышленности и привязать всю экономическую политику к финансовому миру Сити и бизнесу с недвижимостью. К 2010 году (к концу правления лейбористов, продолжавших эту политику Тэтчер) промышленность давала 11% ВВП и обеспечивала занятость всего лишь 2,5 млн человек. Деиндустриальная революция была в принципе завершена (*Chakraborty A. Why doesn't Britain make things any more? // The Guardian. 2011. November 19.*

перестройке отношений финансового и производительного капитала (во всех его видах), которая привела к «независимости» первого по отношению ко второму. Эта «независимость» выражается в способности финансового капитала, уходя от производства товаров и услуг, возрастать, используя выражение Джеймса Тобина, «диспропорционально его социальной продуктивности»⁶¹. Более того, он обнаруживает способность самовозрастать при стагнирующей реальной экономике и даже благодаря такой стагнации, то есть уже не «диспропорционально его социальной продуктивности», а будучи *социально контрпродуктивным*⁶². Самым брутальным образом это подтвердил именно нынешний кризис. В условиях общей стагнации экономики американские фирмы, занимающиеся операциями с ценными бумагами, заработали за последние два с половиной года 83 миллиарда долларов, тогда как за весь период правления администрации Буша-младшего — лишь 77 миллиардов!⁶³

В свете этого многие рассмотренные нами ранее составляющие современного «кризисного» состояния экономики могут быть поняты в качестве *структурных характеристик* этого типа капитализма:

- депрессия доходов массовых слоев населения, включая средние классы, и рост социального неравенства (как следствие стагнации реальной экономики и разрастания форм временной и неполной занятости);
- рост всех форм задолженности (частной, корпоративной, государственной) как *ключевое условие* поддержания спекулятивного самовозрастания финансового капитала;
- периодичность разрастания и лопания финансовых пузырей, пришедшая на смену прежним циклам подъема и упадка производства, так что по большому счету вся история финансиализированного капитализма с конца 1970-х годов предстает как история менеджирования од-

URL: <http://www.guardian.co.uk/business/2011/nov/16/why-britain-doesnt-make-things-manufacturing>). Соответственно, каждый год Англия за-
вершала с большим и нарастающим бюджетным дефицитом, так что
в 2011 году суверенный долг превысил 1 триллион фунт стерлингов
(UK National Debt. URL: <http://www.debtbombshell.com/>).

61. Tobin J. On the Efficiency of the Financial System // Lloyd's Bank Review. 1984. № 153. P. 14–15.

62. См.: Sweezy P. The Triumph of Financial Capital // Monthly Review. 1994. Vol. 42. № 2. P. 1–11.

63. Washington Post: Гиганты Уолл-стрит заработали при Обаме больше, чем за восемь лет при Буше // Газета.Ру. 07.11.2011. URL: http://www.gazeta.ru/news/business/2011/11/07/n_2085974.shtml.

ного грандиозного пузыря «независимого» финансового капитала⁶⁴;

- превращение государства в главного менеджера хронически «кризисного» финансиализированного капитализма⁶⁵, главная функция которого состоит в экспроприации общественных средств и перекачке их в финансовый сектор для восполнения ущерба от лопания одних пузырей и создания предпосылок для возникновения других;
- перетекание финансовых кризисов в «хронический» фискальный кризис государства, менеджирующего финансовые пузыри. Синергия таких кризисов ведущих западных государств обусловила *аннулирование некогда считавшихся незыблемыми экономических законов*, начиная с максимы «нельзя тратить больше, чем зарабатываешь». Присвоение высших рейтингов надежности фактическим банкротам, чей суверенный долг приближается к 100% ВВП или (подчас существенно) превышает эту планку, есть удостоверение того, что экономика старого «рационального» капитализма перестала существовать, превратившись в постмодернистский коллаж симулякров. Теоретическое осмысление этого нового типа капитализма предполагает отказ не только от классической политэкономии производства и накопления, но и от марджиналистской эконометрики рынков. На повестке дня — неслыханная доселе политэкономия жизни в долг, привязанная к политике глобальной гегемонии;
- рынок в условиях финансиализированного капитализма полностью утрачивает значение более-менее «ровного» пространства, на котором, подчиняясь общим правилам, ведут игру агенты хозяйственной деятельности. Рынок превращается в *стратегию*, используемую привилегированными агентами, стоящими вне рынка (в чем и состоит их привилегия), против дискриминированных агентов, которых, действительно, заставляют существовать по законам рынка. *В первую очередь* такая дискри-

64. Calhoun C. From the Current Crisis to Possible Futures // Business as Usual. The Roots of the Global Financial Meltdown / C. Calhoun et al. (ed.). N.Y.: New York University Press, 2011. P. 26.

65. Очевидно, что термин «хронический кризис» является оксюмороном. Но это лишь выявляет то, что называть нынешнее состояние глобального капитализма «кризисом» означает участие в идеологической игре легитимации финансиализированного капитализма. Сопrotивляясь втягиванию в такую игру, следует сказать: это не кризис, а нормальная фаза цикла самовозрастания финансового капитала, причем, как мы видели выше, *наиболее прибыльная для него*.

минация направлена на наемный труд (постоянная озабоченность «гибкостью» рынка труда — характернейшая черта неоллиберальной экономической политики). Титул *too big to fail* есть знак привилегированности, защищающий от наказаний «по правилам рынка» не только неудачников и провалившихся авантюристов, но и откровенных мошенников (конечно, если в отношении их по некоторым специфическим соображениям не устраиваются показательные процессы, как в случае Бернарда Мэдоффа).

Разумеется, финансиализированный капитализм — не универсальная модель, тиражирующая себя (с теми или иными корректировками) по всему миру, и тем не менее — «образ будущего» для «отставших» в своем развитии обществ. Как и его предшественники — либеральный капитализм «свободного рынка» и «организованный» кейнсианский капитализм, этот новый вид капитализма существует только как доминантная структура, определенным образом формирующая «под себя» глобальное социальное пространство. Но если одним из важнейших условий существования первых была эксплуатация аграрных и сырьевых ресурсов периферии, то финансиализированный капитализм существует прежде всего за счет ее промышленного, причем все более высокотехнологичного, производства. Но, как и раньше, политэкономия организации такого производства на периферии по-прежнему имеет существенным образом некапиталистический или регрессивно-капиталистический характер. Коммунистические Китай и Вьетнам, теократическая Саудовская Аравия, президентско-династический Азербайджан, вроде бы демократические Индия и Бразилия, набирающие силу за счет столь жестких форм подавления сопротивления труда и контроля над ним, что им могли бы позавидовать иные диктатуры, — привилегированные партнеры финансиализированного капитализма⁶⁶.

66. Это еще раз — уже на эмпирическом уровне — возвращает нас к теме связи капитализма и демократии. При прочих равных диктатура для капитала всегда предпочтительнее демократии по той простой причине, что она в значительной мере берет на себя труды и затраты по «дисциплинированию» рабочей силы, которые в условиях демократии входят в «издержки» капитала. Именно поэтому, как выразился топ-менеджер «Кока-Колы» Мухтар Кент, «Китай — более гостеприимное место для бизнеса, чем Америка» (Foroohar R. Op. cit. P. 28). Нельзя упускать из вида и то, что в конкретных обстоятельствах диктатуры могут *упрочиваться* за счет интенсивного экономического развития, в значительной мере обеспечиваемого внедрением капиталистических методов ведения хозяйственной деятельности (в том числе и даже преимущественно благодаря притоку прямых иностранных инвестиций). После кризиса 1989 года, куль-

Нельзя упускать и то, что глобально доминантная структура отнюдь не гомогенна (она никогда не бывает таковой). Германия, Швеция, Франция и т. д. в значительной степени остаются производительными экономиками. Это еще раз подтверждает, что финансиализация, как когда-то индустриализация и любой масштабный экономический процесс, — это не некая естественная закономерность, а результирующая политической борьбы, в которую вовлечены разные фракции верхов и низов и которая принимает конкретный облик, в том числе облик «неотвратимого закона», в зависимости от хода и исхода такой борьбы.

РАССУЖДЕНИЕ ШЕСТОЕ

Сочетание капитализма и демократии в том сегменте периферии мирового хозяйства, который возник вследствие падения «реального социализма» в Восточной Европе и Евразии, определялось четырьмя важнейшими обстоятельствами.

Первое. В посткоммунистическом мире перевертывается известная из истории Запада последовательность решения ключевых вопросов общественной организации. На Западе вопросы «кто мы есть» (какова «наша» идентичность, где проходят «наши» территориальные, социальные, культурные границы) и «каковы основные принципы и правила нашего общежития» (включая те из них, которые определяют политическое и административное управление, а также формы и отношения собственности) решались сугубо недемократически и *до того*, как появлялись хотя бы зачатки современной демократии. На ее долю приходились сравнительно легкие вопросы (их делало таковыми уже состоявшееся решение указанных выше сложных вопросов) о том, говоря словами Гарольда Лассвелла, «кто получает что, когда и как», в чем, собственно, и состоит функциональность демократии⁶⁷. На Востоке многие ключевые элементы демократии, начиная с всеобщего избирательного права (но не конкурентная многопартийность), сложились *до* определения новых правил и принципов общежития и даже в ряде случаев (бывших СССР, СФРЮ, ЧССР, ГДР) до «окончательного» решения вопроса «кто

минацией которого стало побоище на площади Тяньаньмэнь, Компартия Китая сознательно и весьма успешно использовала этот метод укрепления своего господства. Подробнее об этом см.: Gallagher M. E. Reform or Openness: Why China's Economic Reforms Have Delayed Democracy // World Politics. 2002. Vol. 54. № 3.

67. См.: Lasswell H. Politics: Who Get What, When and How. N.Y.: P. Smith, 1950.

мы есть». Отсюда многие видные теоретики делали вывод о неизбежном конфликте политической демократии, с одной стороны, и приватизации средств производства и либерализации экономики (с ее скачком цен) — с другой как факторов роста неравенства и снижения уровня жизни масс. Как минимум такой конфликт должен был привести к демократически легитимированному капитализму, то есть капитализму, *изначально* глубоко трансформированному демократией, включая создание сильного «государства благосостояния» как условия консолидации либерального капитализма⁶⁸. Этот сценарий не осуществился где-либо в посткоммунистическом мире, включая те его части, в которых неравенство и нищета принимали катастрофические масштабы, как, например, в России. Такое стало возможно только при том условии, что уже *к началу* так называемых рыночных реформ демократия была лишена политической функциональности и во всяком случае в странах, подобных России, стала лишь инструментом в руках власти и богатство имущих⁶⁹.

Второе. Такая изначальная слабость демократии объясняется в первую очередь тем, что в отличие от распространенных мифов о «восстании гражданского общества против тоталитаризма» демократические движения до падения коммунизма нигде, за исключением Польши, не были хоть сколько-нибудь массовыми и организованными, обладающими хоть какими-то традициями и политическим влиянием. Где-то, как в ГДР или ЧССР, они появлялись в последнюю минуту, когда судьба «реального социализма» в Европе была уже ясна, а невмешательство СССР — гарантировано, где-то они не появлялись совсем, где-то, как в Венгрии, коммунисты сами взращивали оппозицию, чтобы создать «круглостольный» камуфляж своим манипуляциям с вла-

68. См.: *Offe C. Capitalism by Democratic Design? // Social Research. 1991. Vol. 58. № 4. P. 865–892; Elster J. When Communism Dissolves // London Review of Books. 1990. January 25. P. 3–6.*

69. Я имею в виду страны, в которых осуществляется режим накопления, (неуклюже, на мой взгляд) именуемый Иваном Желени и его коллегами как «капиталисты без капитализма», в отличие от другого режима — «капитализма без капиталистов», доминирующего в посткоммунистических странах Центральной Европы. Первый характеризуется глубокими деформациями рынка (особенно рынков труда и капитала) и соответствующей «недоразвитостью» правовых институтов и welfare state (или его полным распадом). Это вызвано классовой победой «партийных бюрократов» в период развала «реального социализма» и успехом их стратегии конвертации политической власти в частную собственность (*Eyal G., Szelenyi I., Townsley E. On Irony: An Invitation to Neoclassical Sociology // Thesis Eleven. 2003. Vol. 73. P. 14–15).*

стью-собственностью⁷⁰. Конечно, в уникальном случае Польши выхолощивание мощной низовой демократии потребовало немалых усилий и политического мастерства, так что в переломном 1989 году сам Лех Валенса предельно драматично формулировал дилемму — либо «идем в Европу», либо имеем сильный профсоюз⁷¹. Дисфункциональность демократии в данном случае окончательно утвердилась лишь после правления экс-коммуниста А. Квасьневского (1995–2005), показавшего, что между вчерашними коммунистами и их либеральными будто бы антиподами нет разницы в политике капитализации посткоммунистических стран, разве что первые обычно действуют искуснее и решительнее вторых. Это и продемонстрировало то, что посткоммунистический транзит практически везде происходил под контролем сохранявших власть коммунистических элит, хотя и менявших свою конфигурацию за счет, с одной стороны, избавления от балласта «ортодоксов», а с другой — кооптации части вчерашних диссидентов и лидеров демократических протестов, а также новых «олигархов». Эмпирическое свидетельство тому — очень низкий показатель «оборачиваемости элит» (*elite turnover*) во всех посткоммунистических странах, хотя в таких, как Россия, он, действительно, бьет рекорды⁷². Получается, что демократия в этой части мира была изначально лишена того импульса «честной и открытой низам игры», который задается ее происхождением из *политического тупика*, из безнадежной борьбы прочно экономически и политически укорененных

70. Стивен Коткин убедительно и документированно показывает «славный 1989 год» как имплозию коммунистического истеблишмента. Объяснение коллапса коммунизма нужно искать в первую очередь на стороне власти имущих, а не оппозиции (*Kotkin S. Uncivil Society. 1989 and the Implosion of the Communist Establishment. N.Y.: The Modern Library, 2010. Esp. p. xiv ff*). См. также: *Kumar K. The Revolutions of 1989: Capitalism, Socialism, and Democracy // Kumar K. 1989. Revolutionary Ideas and Ideals. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2001.*

71. Л. Валенса: «Мы не сможем подтянуться к Европе, если построим сильный профсоюз» (цит. по: *Ost D. The Defeat of Solidarity: Anger and Politics in Postcommunist Europe. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2005. P. 37*). Политически это точное заключение: к 1991 году отношение к программе капиталистических реформ стало отчетливо дифференцироваться по линиям классовых различий. Этого не было еще в 1989 году, но в 1991-м «классовое» отношение к реформам уже не могло удивлять, ибо они порождали зримые «классовые эффекты» (*Przeworski A. Public Support for Economic Reforms in Poland // Public Support for Market Reforms in New Democracies / S. C. Stokes (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 121–122*).

72. См.: *Wasilewski J. Hungary, Poland, and Russia: The Fate of Nomenklatura Elites // Elites, Crisis, and the Origins of Regimes / M. Dogan et al. (ed.). Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1998.*

группировок, ни одна из которых не может добиться решающей победы и потому вынуждена идти на компромисс с противниками. Только институционализация такого компромисса делает демократию, как показал Данкварт Растоу, более-менее честной игрой с «непредсказуемыми» результатами⁷³. Если же тупика нет, если демократию «создает» некий возобладавший над другими «субъект истории», каким бы он ни был, то демократию он будет строить под себя — в интересах укрепления своего господства. Так и произошло в России и не только в ней⁷⁴.

Третье. Коллапс коммунизма в Восточной Европе и Евразии пришелся на апогей неоконсервативной революции на Западе и триумф, реальный или мнимый, того нового типа финансиализованного капитализма, который эта революция утверждала. Отсутствие альтернативы этому капитализму, изображавшемуся в качестве единственно «разумного» и «современного» общественного устройства вообще, было не только идеологией Вашингтонского консенсуса, пресловутой TINA, сколь бы мощна она ни была сама по себе, насаждаемая всеми «идеологическими аппаратами» Запада. Отсутствие альтернативы было грубой материальной реальностью финансово-торговой зависимости бывших социалистических стран от Запада, созданной всем куросом их номенклатурных элит. Едва ли большим преувеличением является вывод о том, что в 1980-е годы «коммунизм в Европе выживал лишь постольку, поскольку западные капиталистические банкиры были готовы финансировать его»⁷⁵. Коммунисти-

73. См.: Rustow D. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // Comparative Politics. 1970. Vol. 2. № 3. P. 344–345, 352–353.

74. «Круглостольные» переговоры властей и оппозиции имели место только в двух странах посткоммунистического транзита, но даже в Польше они походили больше на отладку механизмов формирования нового правящего класса и прикрывающую это грандиозную пиар-акцию «исхода из коммунизма», чем на отчаянную схватку антагонистов в историческом тупике. Конечно, тот факт, что основные результаты «круглостольного» процесса были известны заранее и согласованы до его начала на тайных сходах главного полицейского коммунистической Польши генерала Кищака и главного борца за польскую свободу электрика Валенсы, лишь усиливает такое впечатление. О венгерском круглом столе, который даже с протокольной точки зрения завершился ничем, и говорить всерьез не стоит (см.: Osiatynski W. The Roundtable Talks in Poland // The Roundtable Talks and the Breakdown of Communism / J. Elster (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1996; Sajó A. The Roundtable Talks in Hungary // The Roundtable Talks and the Breakdown of Communism / J. Elster (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1996). В других же странах посткоммунистического транзита не было и этого.

75. Sebestyen V. Revolution 1989. The Fall of the Soviet Empire. N.Y.: Pantheon Books, 2009. P. xix.

ческие элиты, проводившие конвертацию власти в собственность и занятые демократической мимикрией, стремились лишь к усилению этой зависимости как, с одной стороны, дополнительному источнику прямого и косвенного обогащения, а с другой — глобально-системной гарантии незыблемости их нового положения в качестве демократического и капиталистического господствующего класса⁷⁶. Именно этот альянс посткоммунистических элит, обеспечивших в целом преемственность своей власти со времен *ancien régime*, и политических сил глобально-финансированного капитализма с самого начала положил дисфункциональность демократии в качестве непременно-го и решающего условия посткоммунистического транзита как такового. Маргинализированные, как в Польше, или слабые, а то и вовсе отсутствующие, как в большинстве других посткоммунистических стран, низовые демократические движения не могли выступить достойным соперником этому альянсу.

Отсюда вытекает то, что можно назвать *общей формулой* «демократических транзитов», наиболее ясно и бескомпромиссно выраженной Адамом Пжеворским так: эти транзиты несовместимы с каким-либо перераспределением собственности и богатства. Цена демократии — сохранение структур эксплуатации, характеризовавших *ancien régime*. Политически переход к демократии требует демобилизации левых и безоговорочной реализации принципа правых — «демократия + незыблемость частной собственности»⁷⁷. Не нужно думать, что сия формула — специфическое отражение южноевропейских или латиноамериканских «переходов к демократии» на том основании, что посткоммунистический транзит отличается от них уже тем, что он предполагает радикальное перераспределение собственности и богатства (через программы приватизации, огромную инфляцию, вызванную либерализацией экономики, и т. д.). Несомненно, формы собственности и масштабы концентрации богатства

76. Показательно, что первый же визит американского президента в освобождающуюся от коммунизма Польшу в июле 1989 года ознаменовался курьезом. Джордж Буш предложил Варшаве 100 млн долларов срочной помощи. Это немало обидело бывшую оппозицию: она рассчитывала в знак благодарности не менее чем на 10 млрд долларов. Но в этом и был просчет. Так уж ли велика была благодарность американцев? Многие тогдашние коммунистические вожди их вполне устраивали (порой даже больше, чем вчерашние демократические оппозиционеры), а приоритетом уже стала *стабильность*, а не скорейший и полный разгром коммунизма. (Все это обильно документировано в книге Виктора Себестиена. См.: *Sebestyen V.* Op. cit. P. xx. Esp. Ch. 39.)

77. *Przeworski A.* Democracy as a Contingent Outcome of Conflicts // *Constitutionalism and Democracy* / J. Elster et al. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 72–80.

резко меняются, а также изменяется, как отмечалось выше, конфигурация господствующих элит, владеющих в тех или иных сочетаниях властью и собственностью. Но произошли ли принципиальные изменения в *политэкономии господства*, определяемые отношениями живого труда, отчужденного от средств его осуществления, к накопленному прошлому труду, находящемуся в распоряжении его персонификаторов в качестве особого класса? Ключевой вопрос заключается в том, отражает ли очевидная *политическая* преемственность власти коммунистической номенклатуры (мутировавшей в класс капиталистов и демократических и не очень политиков) скрытую *политэкономическую* преемственность господства от «реального социализма» к посткоммунистическому капитализму? Мы будем исходить из наличия такой политэкономической преемственности, хотя развернутую аргументацию этого положения оставим для другой работы.

Четвертое. Альянс местных посткоммунистических элит и сил глобального финансиализированного капитализма возможен лишь при условии соблюдения определенной схемы «разделения труда». В этой схеме посткоммунистические элиты должны играть роль управляющих определенными сегментами периферии мировой капиталистической системы, обслуживающих ее ядро. Периферия — само по себе многоярусное явление, и быть такой периферией Евросоюза, как, скажем, Польша, — иное дело, чем быть сырьевой периферией мирового капитализма в целом, как Россия. Периферийность российского капитализма удачно описана отечественными исследователями⁷⁸, и я не буду повторять ее характеристики. Отмечу лишь то, что этот тип капитализма производит такие деления между группами населения, которые разводят их по разным «жизненным мирам». В их основе лежат столь различные политэкономические принципы, что перед российской демократией вновь возникают неразрешимые для любой демократии вопросы — об общей идентичности сообщества и о фундаментальных правилах его организации. Российской дисфункциональной демократии остается только *не замечать* эти кардинальные вопросы, и это — второе основное проявление ее дисфункциональности наряду с тем первым, о котором шла речь раньше, а именно неспособностью решать обычный для демократии «лассвелловский» вопрос о том, «кто получает что, когда и как».

78. См.: Тарасов А. «Второе издание капитализма» в России // Левая политика. 2008. № 7–8. С. 33–68; Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя. М.: Эксмо, 2009. Гл. 15–16.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

До сих пор массовые демократические протесты на постсоветском пространстве были направлены исключительно против того, что мы называли «дефектность демократии». Их самые яркие проявления — так называемые «цветные революции», но также и митинги в России, начавшиеся в декабре 2011 года. «Цветные революции» принесли большое разочарование, а на Украине — даже своего рода реставрацию. В ряде случаев (на той же Украине) им удалось в известной мере отладить процедурно-институциональную механику демократии, снизив уровень ее дефектности, но они не внесли никаких существенных изменений в характер посткоммунистического периферийного капитализма и, соответственно, никак не способствовали преодолению дисфункциональности демократии. Это должно стать важным уроком для протестного движения в России.

Но как преодолеть дисфункциональность демократии? Ведь она — уникальный и новаторский продукт финансиализированного капитализма вообще и его периферийных проявлений в частности, причем не только с точки зрения методов и форм «пленения» государственной власти капиталом, но и в плане *деконструкции* им сил сопротивления такому «пленению» (рабочего класса и его органов, но также коалиционных структур типа «народных фронтов», освободительных — в отличие от шовинистических и ксенофобских — националистических движений и т. д.). Движение «Оккупируй Уолл стрит» (OWS) — это, пожалуй, первая попытка нащупать саму логику борьбы против дисфункциональности демократии, и степень политической зрелости этой попытки вряд ли выше той, которая была присуща в самом начале XIX века действиям луддитов против индустриального капитализма.

Пока зафиксировано только самое главное, что *отличает* сопротивление дисфункциональности демократии от протеста против ее дефектности⁷⁹: как заявлено в «Декларации оккупации Нью-Йорка», «демократическое правление получает свою справедливую власть от народа <...> и подлинная демократия недостижима, если [ее] процесс определяется экономической властью»⁸⁰. Это задача «деэкономизации» политики не толь-

79. Не смешивать эти виды борьбы и видеть их специфику столь же важно, как находить и практически утверждать способы их связи в условиях периферии. Это особенно актуально, как отмечалось выше, на постсоветском пространстве.

80. См.: Declaration of the Occupation of New York City. 2011. URL: <http://www.nycga.net/resources/declaration>.

ко в обычном плане противодействия прямому или косвенному подкупу, точнее, покупке политиков «большими деньгами», но и в гораздо более серьезном смысле сопротивления сведению политики к «политическому рынку», само сохранение которого — главная предпосылка дисфункциональности демократии. Это, конечно же, совсем другое дело, чем борьба с обычным авторитаризмом. Но OWS (пока?) не понимает то, что с финансиализованным капитализмом нельзя бороться, оставаясь в том состоянии «постмодернистской» деконструированности политической (и вообще всякой) субъектности, которая и есть продукт самого финансиализованного капитализма. Но именно такую деконструированность, то есть «чистую» спонтанность активности без лидеров, организации, ясных требований, определенных целей борьбы и даже идентификации противника, OWS не без гордости считает своими определяющими признаками⁸¹. Однако они и делают OWS неспособной к генерированию власти, и думать, будто «экономической власти», против колонизации государства и демократии которой протестует OWS, может противостоять что-то помимо *другой* власти, есть катастрофический политический, точнее, аполитичный идеализм.

Сможет ли вроде бы поднимающееся российское демократическое движение освоить горький опыт «цветных революций», понять прозрения OWS без копирования присущего ему идеализма — от этого зависит судьба не только демократии в России, но и всей страны на десятилетия вперед.

81. См.: *Gautney H.* What is Occupy Wall Street? The History of Leaderless Movements // Washington Post. 2011. October 10. URL: <http://www.washingtonpost.com/national/on-leadership/what-is-occupy-wall-street-the-history-of-leaderless-movements/2011/10/10/>.